Александр Куприн

Система

Александр Куприн

Система

«Public Domain»
1932

Куприн А. И.

Система / А. И. Куприн — «Public Domain», 1932

ISBN 978-5-457-11260-5

«Познакомились мы друг с другом в прелестном княжестве Монако в 1912 году. Я в то лето без всякого труда, свободно и весело выиграл в казино Монте-Карло (в Карлушкиной Горке, как называет И. С. Шмелев) несколько десятков тысяч франков. Я бы, пожалуй, продолжал и дальше играть, но это не вышло. Последний, взятый мною куш был так велик, что я решил сделать в игре перерыв, чтобы отдохнуть и подкрепиться в буфете, так как утром забыл позавтракать, а теперь уже шел одиннадцатый час вечера. Путь мой шел через большой гранитный вестибюль. Там у колонны сидел скромно мой друг. Я высыпал ему на юбку весь выигрыш: сто– и тысячефранковые билеты, множество золотой мелочи и большое количество золотых стофранковиков, тяжелых, желтых и красивых, как только что выпеченные сдобные хлебцы…»

ISBN 978-5-457-11260-5

© Куприн А. И., 1932
© Public Domain, 1932

Система

Познакомились мы друг с другом в прелестном княжестве Монако в 1912 году. Я в то лето без всякого труда, свободно и весело выиграл в казино Монте-Карло (в Карлушкиной Горке, как называет И. С. Шмелев) несколько десятков тысяч франков. Я бы, пожалуй, продолжал и дальше играть, но это не вышло. Последний, взятый мною куш был так велик, что я решил сделать в игре перерыв, чтобы отдохнуть и подкрепиться в буфете, так как утром забыл позавтракать, а теперь уже шел одиннадцатый час вечера. Путь мой шел через большой гранитный вестибюль. Там у колонны сидел скромно мой друг. Я высыпал ему на юбку весь выигрыш: сто– и тысячефранковые билеты, множество золотой мелочи и большое количество золотых стофранковиков, тяжелых, желтых и красивых, как только что выпеченные сдобные хлебцы.

Она спокойно сказала;

– Тебе везет. Может быть, ты еще поиграешь?

Вот тут-то я и взвился. Надо сказать, что в далекие от этого времени годы я прослужил около одиннадцати месяцев актером в бродячей драматической труппе, и пародии на бурные страсти, на возвышенные чувства мне даются очень легко.

– Ка-ак! – вскричал я полузадушенным блеющим голосом, закатывая глаза и устремляя перст в потолок. – Это ты! Человек, любимый и уважаемый мною больше всего на свете! Ты! Кого я чту, как высокий образ доброты, милости, ума и порядочности. Ты! Моя радость, гордость, утешение и подпора! И ты своими чистыми, непорочными устами посылаешь меня… Но куда-а-а? Посылаешь в эту ужасную гнусную клоаку, где ненасытимая жадность стирает с человеческих лиц образ и подобие божие! В этот кипящий дьяволами смрадный ад! Ибо нет на всем свете влечения более грязного, страсти более свирепой, порока более заразительного, чем азартная игра! О, ужас! Ужас!

Так я декламировал вполголоса, дико вращая глазами. Никаких этих трагических чувств во мне совсем не было. Просто: минутная победа над судьбою веселила мое сердце и заставляла меня паясничать по-мальчишески. Было также маленькое, совсем невинное, проказливое удовольствие кольнуть хоть раз в жизни, хоть шутя, прекрасного, безукоризненного человека. Но я взглянул и сразу осекся, не договорив монолога. В давно знакомых мне милых и умных глазах растаяла улыбка, и они глядели с тревогой, с вопросом, с укором, с затаенной виноватостью.

Этого я не мог вынести. Поспешно попросил прощения в дурацкой буффонаде, сказал другу, что она – ангел, а я свинтус, и тут же торжественно порешил, что играть больше в Монте-Карло не стану. Ведь черт возьми! Уехать с Лазурных берегов после сладкого выигрыша и чувствовать себя потом на всю жизнь гордым победителем и человеком с железной волей – это не так уже часто встречается. Расспросите-ка по этому поводу всех ваших знакомых, когда-либо посещавших Ниццу, Ментону, Канны, княжество Монако и Рокебрюн. Всякий вам наскажет с три короба случаев колоссальных, умопомрачительных, феерических выигрышей. А в результате?

– Увы. Полный крах. Пришлось у добрых знакомых взять взаймы на обратный проезд. Телеграфным переводам из России уже не доверяли. Все равно: получим – и опять поскачем в Монте-Карло, в это сосущее болото.

Другие земляки, проигравшись в лоск, обращаются к администрации казино за помощью для отъезда домой. Отказ бывает очень редко. Один из служащих в казино, человек исключительной зоркости и безошибочной памяти, так сказать – глаз учреждения, всевидящий и всезнающий, незаметно для просителя, окидывает его острым взглядом и мгновенно аттестует его: проиграл приблизительно столько-то; ни в скандалах, ни в присвоении чужих ставок не замечен. И этого совершенно достаточно для получения суммы, необходимой на

покупку билета второго класса и еще на кой-какие нужды, вроде папирос, завтрака и чаевых носильщикам. Когда этот бывший клиент спустя пять или даже десять лет вновь явится в бюро Монте-Карло за получением билета для входа в казино, то первое, что ему предлагают, – это уплатить давнишний поездной должок. Впрочем, о таких невинных сделочках посетители казино почему-то не особенно много рассказывают; предпочитают молчать. Так же безмолвствуют они и о прежних поражениях. «Ничего, пусть были в прошлом неудачи. А вот теперь-то мы взбутетеним эту самую рулетку! Умней стали и систему выработали».

Я всегда считал себя человеком не особенно крепкой воли и потому искренне обрадовался, когда убедился в том, что добровольное отрешение от рулетки дается мне легко и даже весело. Вместо утомительных ежедневных поездок из Ниццы в Монте-Карло, по два раза туда и обратно, вместо многочасовых сидений на стуле, в густых запахах табака, нездоровых дыханий и крепких, терпких отвратительных духов, передо мною вдруг открылись великолепные просторы времени, пространства и чистого воздуха. Жизнь была обеспечена надолго вперед. Не нужно было работать, насилуя себя, по заказу, без любви и увлечения, ради еды и пристанища на завтрашний день. Прекратилось постыдное клянченье авансов, которые приходят всегда в урезанном размере и приходят с такой мучительной проклятой медлительностью.

Только теперь я заметил, что в нашем дворе душисто цветут лимоны и апельсины, что море благоухает лучше всех ароматов в мире и что недалеко от меня оно нежно сливается с голубым небом, образуя хрустальный купол.

Работа стала для меня не тяжкой обузой, для исполнения которой я ежедневно должен бывал тащить самого себя за волосы к письменному столу, но лучшими, счастливейшими часами дня. Я вошел в ту ладную, гладкую полосу послушного творчества, когда мысль без затруднения переходит в слова, а слова свободно ложатся четкими строками на бумагу без единой заминки, без единой поправки; когда пишешь, не уставая, весь день, даже за обедом, даже среди разговора с двумя-тремя лицами; когда аппетит, как у каменщика, сон глубок и так отрадно хочется делать добро, услугу, помощь каждому ближнему.

Я снова узнал прелесть и сладость заслуженного отдыха: прогулки в горы, рыбную ловлю, катанье на килевой лодке, под туго натянутым латинским парусом, коротенькие поездки по Провансу; в древний Арль, знаменитый на весь мир необыкновенной красотою своих женщин и славящийся среди едоков высокими качествами своих колбас с чесноком; в Ним и Фрежюс, где до наших времен простирают друг к дружке полуразрушенные арки развалины старинных, гигантских римских цирков; в Тулон, где старые моряки еще вспоминают с дружелюбной улыбкой бывший русский флот и торжественные встречи с ним; в уютный Тараскон, недавно стыдившийся своего земляка Тартарена, а теперь уже гордящийся им перед любопытными путешественниками; в Авиньон, где нет ничего замечательного, кроме форелей, отличных булочек и дворца, когда-то резиденции плененных пап.

И все-таки наиболее занятным и интересным для меня оказалось княжество Монакское, до сих пор заслоненное, скрытое от моих глаз беспрестанной игрой в рулетку. Ну, что за прелесть, например, монакская армия. Две зеленые бронзовые пушки XVII столетия, шесть нарядных красавцев солдат, двенадцать офицеров еще более красивых, роскошно убранных золотом, серебром и всеми разноцветными перьями, какие только есть на петухах, попугаях, павлинах и райских птицах. Когда это войско делает смену караула, то глаза слезятся и слепнут.

Очень интересен и дворец с фамильными портретами высокого рода Гримальди. Какие упитанные чернокудрые лица, какие короткие шеи и мощные затылки, разбухшие от усиленного питания овечьим жиром, крепкими буйабезами, эскарго по-бордосски и горячим густым южным вином! Конечно, это только легенда, что первые Гримальди были пира-

тами. Пиратами – конечно, нет, но почтенными флибустьерами и уважаемыми корсарами – наверно: уж такой у них на портретах суровый, коричневый загар, такие хмурые, зоркие глаза, такие сжатые, решительные губы и такие волевые подбородки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.